

Александра Богданова, которому едва исполнилось двадцать пять лет, стояла большая, трудная жизнь.

...Он рано стал взрослым. В пору, когда его сверстники гимназисты и семинаристы еще гоняли голубей, он уже задумывался над жизнью, много читал. Его юношескими кумирами были революционные демократы, особенно Некрасов. Он зачитывался очерками Г. Успенского, статьями Лаврова и других «властителей дум» современного ему поколения. Сам он был сыном обнищавшего, опустившегося провинциального интеллигента — «бездипломного адвоката», выросшим в большой семье, под крышей ветхого домика на одной из окраинных пензенских улиц, где жили «низы» — мещане, мастеровые, мелкие чиновники. С детства он узнал, что такое нужда, как трудно, горюю горькой ценой унижения, достается кусок насущного хлеба. С детства он слышал плач обездоленных и разоренных людей, хриплые песни и ругань пьяных, искавших в водке забвения, начальственные крики околотовных, грозивших тюрьмой и Сибирью. Мальчиком он болезненно переживал трагедию своих близких — отца и матери, был потрясен страшной участью денщика Тюляя, замученного звероподобным офицером, и казнью крестьян, восставших против жестокостей управителя-немца...

Поэтому не удивительно, что юноша Богданов жадно потянулся к литературе, обличавшей несправедливость, царящую в русской общественной жизни, порицавшей угнетение человека человеком и звавшей к борьбе. К какой борьбе, какими средствами и методами, — над этим он тогда не раздумывал. Писатели, которые в восьмидесятых годах «задавали тон» в литературе и пользовались огромной популярностью у молодежи, говорили: иди в народ, просвещай его, буди! «Хождение в народ», в деревню, с целью приобщения крестьянина к книге было модой, казалось единственным средством «разбудить Россию», и Александр Богданов, юноша впечатлительный и деятельный, без колебаний пошел по этому пути.

Богданов ушел из города Пензы в село Спасско-Александровское* и стал сельским учителем. Днем, собрав в холодном классе, за учебником, крестьянских детей, застенчивых и смекалистых, упрямых и пытливых Ваняток и Машенок, он вводил их в таинственный и заманчивый мир незнакомых слов, понятий и цифр, рассказывал о далеких больших городах, о морях и океанах, о звездах, на которых, возможно, тоже есть жизнь. И читал стихи, — от них сладкой болью сжимались и бились сильнее маленькие сердца. Некрасов, Пушкин, Кольцов... Молодой учитель, черноволосый, черноглазый, в коротком, блестящем на локтях «городском» пиджачке и стоптанных штиблетах, говорил горячо и убедительно. Он сеял «разумное, доброе, вечное»...

А вечером, оставшись один, он садился писать. В трубе завылав ватер, дрожало пламя в керосиновой лампочке, а из-под пера молодого учителя бежали и бежали торопливые строчки. В этих строчках заново оживало виденное и слышанное: угрюмый деревенский быт, грубая брань мужчин и плач женщин, самодурство богатых, звонкая песня за рекой и чистая детская мечта. Учитель писал о народе, среди которого он жил. Писал правду, как заветацал ему Некрасов, как учил его — еще незримо, примером своих книг — Максим Горький...

И часто из села шли в Петербург заказные письма с рукопися-

* Ныне Кондольского района, Пензенской области

ми—это Богданов посылал в редакции столичных газет и журналов свои сочинения, которые, увы, пока никто не печатал. Местное начальство — староста и урядник — посмеивалось: «Мели, Емеля». А молодой учитель, шагая к себе в школу, радостно потирал озябшие руки и повторял — про себя — заветные стихи о том, что «счастье в борьбе состоит».

Кто знает, может быть, в такой—народнической—«борьбе» Богданов обрел бы свое единственное счастье, или, наоборот, со временем погряз в быту, ожесточился бы от неудач и стал таким же обывателем, как и его отец, бывший народник. Но жизнь вскоре толкнула Богданова на путь другой борьбы, в которой он найдет свое настоящее призвание и неизмеримо большее счастье.

III.

В 1896 году Богданова познакомили с Н. Э. Бауманом. Бауман— молодой, серьезный, с веселым, открытым взглядом и умной, спокойной речью — произвел на Александра Алексеевича большое впечатление. Народники, порицавшие Баумана за его принадлежность к новой партии — партии русских социал-демократов, показались вдруг Богданову старомодными и узкими начетчиками. А почему, действительно, надо цепляться за идею «крестьянской революции»? Может быть, марксист Бауман прав, что наиболее революционным классом в России является молодой пролетариат, рабочие заводов и фабрик, свободные от всякого чувства собственности.

Богданов начал искать, потянулся к марксистской литературе, стал пристально приглядываться к жизни пролетариата, деятельности рабочих кружков. А летом 1897 года учитель-энтузиаст получил первое боевое крещение: за распространение среди крестьян села Спасско-Александровского «недозволенных» книг жандармы арестовали его и заключили в саратовскую тюрьму.

Из тюрьмы Богданов вышел больной, окончательно поколебленной верой в возможность медленно, через «просвещение» деревни и крестьянскую общину, прийти к смене существующего строя. Нет, нужны другие, решительные меры! И поняв это, Богданов отдаляется от народников, вступает на новый, социал-демократический путь.

Встреча с Горьким укрепила его веру в правильность выбора. Да, его место там, в строю русских рабочих, идущих на решительный штурм царизма. Теперь он живет преимущественно в городах и работает по заданиям партии. Он становится профессиональным революционером.

Уже в 1900 году он пишет «Песню пролетариев», в которой прямо звучит призыв к организованной революционной борьбе.

Богданов проводит митинги на фабриках и заводах, в железнодорожных и судоремонтных мастерских, преподает в рабочих кружках, пишет листовки, воззвания, прокламации. Эта кипучая, опасная деятельность захватывает его целиком. Писать что-нибудь крупное — повесть, роман, поэму — теперь почти не приходится. Нет времени, да и жандармы следуют по пятам, заставляя то и дело менять квартиры, прятаться по чужим углам под чужой фамилией.

И все же неутолимая жажда художественного творчества бурлит в груди, заставляя иногда, «в антрактах», взяться за перо. Урывками, тайком, пряча написанное — по страницам — у различных знакомых, писатель-революционер создает вдохновенное историческое

исследование о декабристах, пишет поэму «Коммуна», начинает работу над объемистой трилогией «Бездомные»...

Иногда произведения Богданова появляются в печати, в легальных газетах и журналах, но уже не под его настоящим именем, а под псевдонимами — А. Б., Атьфа, Буква, Волгин, Прибой... Всего двадцать один псевдоним!

Большинство рукописей Богданова гибнет. Бесследно пропали в охранке конфискованные при обыске юношеская поэма «Порка» и несколько тетрадей со стихами и рассказами. В 1902 году в Саратове провалился нелегальный склад РСДРП, и среди документов, взятых полицией в качестве «улик», была рукопись книги о декабристах.* Погибли и другие рукописи — почти все, что создано в эти годы ценой бессонных ночей, упорного, подвижнического труда.

«Это было для меня почти как расстрел...» — говорил Богданов. Тот, кто когда-нибудь написал хотя бы один рассказ, одно стихотворение в жизни, поймет эту боль!

Стиснув зубы, писатель-революционер преодолевает все невзгоды. Он готов отречься от личной жизни, не хочет обременять себя ничем, что может помешать ему быть всегда «на боевом взводе» — готовым нанести самому удар или стойко принять его от врага...

Революционер, большевик (А. Богданов с момента вступления в РСДРП твердо стоял на ленинских позициях), он искренне убежден, что не может, не имеет права даже думать о своем счастье, пока народ страдает под пятой царизма.

Богданов был не одиноком в своих взглядах: в то время (да и не только тогда) многие честные, преданные делу товарищи считали, что настоящий революционер должен быть «железным» человеком типа Рахметова...**

Но вот Богданов в тяжелое для партии время, накануне подавления царизмом первой русской революции, в 1906 году в Таммерфорсе встречается с Владимиром Ильичем Лениным.***

«В одну из свободных минут, — вспоминает Александр Алексеевич, — Ильич выбрал время, чтобы прослушать несколько моих революционных стихотворений. Это было после одного из фракционных совещаний...».

Обстановка была простая: вождь партии сидел в кулуарах, на столе, в окружении товарищей, а поэт читал стихи, записанные в заветную, издавшую виды тетрадь.

Владимир Ильич отнесся к большинству стихов одобрительно. Не считая себя знатоком поэтической формы, он говорил с поэтом преимущественно о содержании произведений. Между прочим, дорогой автор, — сказал Ильич, дружески-испытующе поглядывая на Александра Алексеевича, — в этом стихотворении, где вы хотите отказаться от любви и счастья, когда «гибнут кругом», звучат старые интеллигентские перепевы. Что это — отрывка народничества?

Богданов признался, что действительно в юности увлекался народничеством.

Ильич улыбнулся:

* Рукопись обнаружена в 1949 году в быв. жандармском архиве в Саратове.

** Герой романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?».

*** А. А. Богданов, активный участник революции 1905—1907 гг., был делегатом от Поволжья на Таммерфорской и Гельсингфорской конференциях и вел борьбу против меньшевиков.

— Ну вот, значит, я прав.

И заговорил о том, что марксисту должно быть чуждо пассивное «жертвенности», такое добровольное отгораживание себя от радостей жизни. Нет, сказал Ильич, марксист прежде всего живой человек, чувствующий полно и широко гармонию жизни. Умную и красивую гармонию.

Как много дали Богданову — писателю, революционеру, человеку — эта и последующие встречи с Ильичем! Александр Алексеевич, будучи уже стариком, вспоминал их, восстанавливая до мельчайших деталей, словно это было вчера. Он вдохновенно писал о них, и еще лучше — рассказывал.

IV.

Александр Алексеевич Богданов прошел вместе с партией сорока-летний — трудный и славный — путь.

Вот основные этапы этого пути.

1901 — 1904 гг. Арест и заключение в «Крестах» и «Предварилке», затем высылка в Саратов. В Саратове Богданов ведет активную подпольную работу по заданиям центра.

1905 г. Снова тюрьма — за участие в революции. Освобожден в связи с манифестом 17 октября.

1906 год. С начала января по май — в тюрьме. Освобожден на поруки. Тайно переезжает в Самару, где живет по чужому паспорту. Участвует от Поволжья в Таммерфорской конференции РСДРП, где вместе с другими ленинцами борется против соглашателей-меньшевиков. Ведет работу среди крестьян, проводит на местах съезды и конференции.

1907 год. Редактирует большевистскую газету «Самарская Лука». Арестован (на три месяца). Отбыв заключение, едет делегатом от Самары на Лондонский съезд РСДРП. Но на явке у одного из товарищей снова арестован и по этапу препровожден обратно в Самару. Осенью освобожден, после чего принял участие в общероссийской Гельсингфорской конференции. По поручению В. И. Ленина пишет статью в газету «Пролетарий» (под псевдонимом А. Волжский). Возвращаясь с конференции, арестован.

1908 год встретил в тюрьме. Из тюрьмы освобожден под залог, живет три месяца в Казани, редактируя журнал «Волжское утро». Суд приговаривает А. А. Богданова за активное участие в революции 1905 года к заключению в крепости.

1909 год. Богданов (при помощи В. Д. Бонч-Бруевича) бежит в Финляндию, где живет под чужим именем.

1910 — 1916 гг. Литературная работа. Работа для «Правды» и других большевистских изданий, с которыми держит связь через А. П. Скляренко, К. Н. Самойлову, В. Д. Бонч-Бруевича, Н. И. Подвойского и других товарищей по партии.

1917 год. Сразу же после февральских событий приезжает в Петроград, входит в редакцию журнала «Вперед». По списку «красных» избран «товарищем городского головы» Василеостровского района Петрограда. Один из инициаторов создания при «Правде» Общества пролетарских искусств (впоследствии Пролеткульт). Накануне Октябрьской революции в Петрограде едет по заданию партии в г. Красноярск.

1918 год встретил в Сибирь, где ведет активную партийную революционную работу, участвует в совещаниях с сибирскими большевиками. В ходе наступления белочехов отрезан от советской России. Редактирует большевистский журнал «Сибирский горнорабочий» и газету «Железнодорожник». Член Сибирского бюро профсоюзов. Контрреволюционные власти дают приказ об аресте Богданова. Богданов тайно уезжает во Владивосток. Создается версия, что он убит: в московских и петроградских газетах и журналах опубликован некролог о расстреле тов. А. А. Богданова белыми.

1919 год. Ведет партийную и профсоюзную работу во Владивостоке. Подвергается преследованиям белого атамана Иванова-Ринова и уходит в подполье. Белобандиты объявляют: «Богданов схвачен». Но оказалось, что вместо Александра Алексеевича Богданова ими схвачен... артельщик городской управы, однофамилец большевика.

1920 год. Участвует в освобождении Владивостока от белых, возглавляет дальневосточный Пролеткульт, ведет партийную и профсоюзную работу.

1921 — 1922 годы. Редактирует ряд дальневосточных газет. Реорганизует Русско-китайское общество и, возглавляя его, способствует совместной русско-китайской борьбе против японской интервенции.

1922 — 1923 годы. Редактирует газету «Приморский крестьянин», орган Приморского губкома и губисполкома.

С 1925 года — в Москве, на партийной и общественной работе в литературных организациях советской столицы.

...Это, так сказать, краткий конспект. Если задуматься, то за каждой строчкой, за каждой буквой его встают события, составляющие величайший исторический поворот в судьбе России и человечества.

Невиданно героическую борьбу вела партия Ленина, чтобы сдвинуть власть царя, помещиков и капиталистов. Участники этой борьбы были с точки зрения обывателей людьми «необыкновенными», поскольку они проявляли такую самоотверженность, такую беззаветную преданность идее, какие не укладывались в сознании даже самых «смелых» буржуазных мечтателей и фантастов.

Но мы знаем, что эти замечательные борцы были в жизни простыми, доступными людьми, умевшими мыслить шире и чувствовать глубже, чем все их «оппоненты» и критики, вместе взятые.

Они проникновенно любили свою родину, места, где они родились и провели детство, учителей, которые привили им жажду знаний, своих близких, товарищей и друзей. Они не могли проходить равнодушно мимо уродств жизни, мимо злобной жестокости, шовинизма, предательства, которые процветали в царской России. Отсюда, от их решимости сознательно разрушить старый мир с его господством капитала и построить мир новый, коммунистический, воплощающий в себе вековую прекрасную мечту человечества, — именно отсюда шли их героизм, дружеская спайка, неугасимая бодрость духа.

V.

Александр Алексеевич Богданов — один из старейших бойцов-ленинцев — был таким человеком. Он страстно любил свой край и гордился им. Пенза, Среднее Поволжье, Саратов — вот его самые заветные места. Недаром он именовал себя А. Волжский, недаром

почти все литературные произведения посвятил описанию жизни своих земляков. Все, что им написано, — от юношеской поэмы «Порка» до мемуаров, над которыми он работал в последние годы жизни, — носит на себе отпечаток местного колорита. То мы узнаем его и языке персонажей, в особом — неторопливом и обстоятельном — складе речи, то в описании деталей быта, то в характерном названии места или в прозвище человека...

Первая часть мемуаров — «В старой Пензе» — непосредственно создает жизнь города, где Александр Алексеевич провел свои детство и юность. С изумительной свежестью чувства повествует Богданов о людях и событиях, оставшихся далеко в прошлом. Как живы, встают перед читателем родители мальчика Сани — мать Надежда Александровна, тихая, кроткая, добрая женщина, изумительно терпеливая и стойкая, несущая в глубине сердца огонек любви и веры, и отец Алексей Христофорович — мрачный, больной, дикий в гневе человек, способный от природы, но растерявший идеалы и раздавленный жизнью. Видим мы и других героев — няню-сказочницу Филимонову, женщину с прекрасным, изрытым оспой лицом, но прекрасной, «певучей» душой; свободолюбивую, независимую в суждениях, наделенную артистическим даром бабушку будущего писателя: «русобородого весельчака, вечного студента» дялю Володю... По ряду с представителями «светлого царства» — матерью, Филимоновой, бабушкой, — писатель ярко, не скрывая гнева, рисует отвратительные образы «столпов» дворянско-купеческой Пензы: надменных, жестоких помещиков, наглого и циничного дьякона Успенского, изощренного садиста-офицера... Чувствуется душная, спертая атмосфера, которая должна разрядиться грозой. Признаки надвигающейся бури заметны не только в проявлениях явного или скрытого протеста народа против угнетателей (возмездие крестьян управителю-немцу, самоубийство денщика Тюляя и др.), но, прежде всего, в росте демократических, революционных настроений, которые переживаются от окружающих мальчику Сане. Как дыхание вольного ветра, освежают душу ребенка разговоры взрослых о грядущих событиях. Мальчик сопоставляет услышанное с жизнью, жадно набрасывается на книги, зовущие к активному действию, пытается разобраться в сложных чувствах, переполняющих его душу. Где правда, где счастье? — лихорадочно думает он, вчитываясь с недетской серьезностью в книги любимых писателей...

Детство кончилось. Шестнадцатилетним юношей, на пороге самостоятельной жизни, он записывает в дневник:

Юность с корыстью не знает,
Юность расчета бежит,
Страстностью сила рождается,
Сила в борьбе укрепляется,
Счастье в борьбе состоит!

Полюбившиеся строки становятся девизом в жизни. С ними, в сердце и на устах, Богданов идет навстречу своей трудной, мятельной, завидной судьбе....

Прямое отношение к пензенской земле и ее людям имеет очерк Богданова «Эх, Антон!», отрывок из которого впервые публикуется в данном сборнике. Очерк был написан Александром Алексеевичем в конце 1930 (или в начале 1931) года, в результате неоднократных поездок писателя в село Спасско-Александровское. Трагична и в то

ле время поучительно, говорит Богданов, судьба Антона Чиркина, стихийного борца и мечтателя. Писатель проводит параллель — разное отношение к своему личному горю у Антона и сознательного борца-коммуниста Николая Островского. Эта параллель, возможно, покажется наивной. Но для Богданова и в старости были характерными необыкновенно светлый, прямо-таки юношеский оптимизм и безграничная вера в возможности «организованной воли» человека. Проявлялись они не только в словах, — свои недуги Александр Алексеевич переносил исключительно стойко.

До последнего дня жизни Богданов работал над рукописями — как новыми, так и старыми, уже опубликованными. Готовя к изданию книгой статьи по вопросам революционной литературы, напечатанные в свое время в различных газетах и журналах, он перечитывал их сам, давал перечитывать своим близким, особенно молодежи, и все интересовался: не устарели ли они. Ведь жизнь так бурно идет вперед, говорил он, радуясь каждому газетному сообщению о новом заводе, новой хорошей книге, или о новом рекорде рабочего, летчика, спортсмена — любого советского человека. И сам он хотел быть всегда молодым — и в своих чувствах, и в своих строчках.

Таким он и остался в памяти всех, кто знал его в последние годы: шапка седых волос и — детски-доверчивая улыбка, звонкий голос, лучистый взгляд больших темных глаз.

Говоря о Богданове, перечитывая его произведения, слушая рассказы людей, работавших вместе с ним, всегда вспоминаешь одно из писем, где старый партийный товарищ и друг Александра Алексеевича Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич назвал Богданова «непреклонным борцом и революционером-коммунистом, человеком «высокой духовной красоты». И еще, одно письмо, где сказано, что Владимир Ильич Ленин «всегда очень хорошо к нему относился».

Больше и лучше этого об Александре Алексеевиче Богданове не скажешь.

Р. ПОПОВА

В СТАРОЙ ПЕНЗЕ

1.

Медоносными липами архиерейского сада, бузиной и акациями обывательских палисадников курчавилась гора. Почти на самой ее вершине ютился наш деревянный флигелек, облепленный, как пластырем, ветхой горбыльной лавалиной.

Три окна — три глазастых бельма, — и серый флигелек казался похожим на пенёк-дупляник. А пожалуй, и на гриб-боровик. Обомшелая и полинявшая от дождей и ветров крыша — совсем как шапка деда-боровика! И если залезть на крышу, то видно, что именно к деду-боровику сходятся городские улицы. Да что улицы! Дальше, за городом, сходились к подножью горы все дороги мира, какие только могли существовать в детском воображении. Если где-нибудь и был «пуп земли», то, наверное, он находился на нашей замечательной горе.

В жаркие летние дни я видел, как мирными стадами паслись под пригревом солнышка ближние деревеньки: Терновка и Валяевка, с разбросанными избами и ометами. Убегали в голубую даль сизые квадраты пашен и бахчей... Поблескивали тиховодные речушки, перегороженные дырявыми мельницами. А еще дальше — фиолетово-стеклянная зыбь марева и черная роковая черта: конец небу, провал, неизвестность, а может быть, Москва, куда всю жизнь собиралась и никак не могла выехать больная мать.

Мне было лет семь, когда в казенном учебнике Смирнова я вычитал, что Пенза замечательна живописным местоположением, обилием садов и учебных заведений,

после чего мое сердце преисполнилось патристической гордостью.

Жесткий социальный смысл «мирной идиллии» захоlustья был мне еще непонятен, но в сознание врезались отдельные отрывки из сатир бессмертного Щедрина, описавшего Пензу, как чиновничье гнездо и дворянскую вотчину.

Произошло это вот как.

В длинные зимние вечера у нас почти каждодневно устраивались литературные чтения. Любовь к литературе в соловьевском роду была, можно сказать, семейной. Приходила двоюродная бабушка Александра Васильевна Астрова (рожденная Соловьева), большая поклонница Щедрина, знавшая наизусть, благодаря хорошей памяти, многие из его произведений. Приходила вдвоем с дядей Володей, русобородым весельчаком. А вместе с ними врывались в семью острые каламбурные словечки, а иногда даже целый отрывок из Щедрина.

Александра Васильевна артистически воспроизводила щедринских героев. Рассказывая, она энергично жестикулировала большими, пухлыми красивыми руками (она была акушеркой), как будто маленькая наша каморка теснила ее, и она хотела раздвинуть стены.

Было много мужского в ее финско-монгольском лице,¹ в твердой осанке и даже привычке выпивать перед едой две-три рюмки водки (опять-таки семейная привычка Соловьевых, получившая болезненный характер у дяди. Евгения Андреевича Соловьева, одного из первых марксистских критиков, который умер в начале 900-х годов).

Взгромоздившись на сундук, покрытый грубым, полосатым деревенским ковриком, я жадно пил сладкую бабушкину речь и широкими глазами смотрел в ее большой и круглый двигающийся рот.

— Наденька, — обращалась бабушка к матери. — А ведь это про наших пензенских правителей написано. «Р-ра-з-зо-рю! Не потер-плю... П-плю!».

Очень нравилось мне слово: «П-п-лю!».

И особенно весело было слушать про пошехонцев, как они в реке толокно месили, щуку на яйца садили, блинами острог конопатили...

«Вот дураки, — думал я. — Сколько толокна даром пропало. Вот бы мне такой острог!»

¹ По семейным преданиям, прадед был финн.

Так я познакомился со многими персонажами щедринских сатир: Органчком, Угрюм-Бурчеевым, с Араповым, Селивановыми, Гевличами, которые славились балами, породистыми рысаками, борзыми собаками и женами, ездили друг к другу в гости, плодились и множились, — пока с утверждением господства «чумазого» не началось оскудение дворянских родов.

Иногда на улице я заглядывался на запряженных в дышла селивановских рысаков, с лебедьними изгибающимися шеями и в яблочных пятнах на холеных лоснящихся крупах. Вороненым блеском сияли лакированные крылья рессорной коляски... А особенно красивым казался мне кучер на козлах, в бархатной безрукавке с золотисто-синим, играющим радугой, павлиньим пером. Павлинье перо стало предметом моих заветных мечтаний. Как я досадовал, что такого пера не было ни у одного из моих знакомых петухов, которым выдирал хвосты мой приятель и уличный забияка Мишка.

Сказочное и фантастическое персплеталось с действительностью, и я не знал, где начинаются и где стираются грани между воображаемым и былью, между Органчиком и Селивановыми.

Я выдумывал игру.

Из мякиша черного хлеба вылепливал фигурку Органчика со страшной звериной пастью. А когда фигурка засыхала, раскрашивал ее желтыми, красными или синими полосами и тыкал мордой в песочную кучу, приговаривая:

— Не по-терп-плю! П-плю... п-п-лю!

Или же напевал бессмысленные стихи-коротышки, которые так любил сочинять в раннем детстве:

Сплю-сплю-сплю!

Плю! плю!

Не потерп-лю.

Наигравшись, я отламывал Органчику голову, крошил туловище на куски и бросал злой, с белой оторочкой на груди, собаке, которая жила на привязи в конуре.

2.

Пенза не может пожаловаться на писательское невнимание к ней.

С беспощадным сарказмом революционного демократа-разночинца писал о Пензе Щедрин, служивший в ней